
ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ
К 160-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В.М. БЕХТЕРЕВА

**ПОД ПСЕВДОНИМОМ “ТИХОБЕРЕЖСКИЙ”:
ПОЭЗИЯ В.М. БЕХТЕРЕВА¹**

© 2017 г. И. В. Сидорчук

*Кандидат исторических наук, доцент Высшей школы общественных наук
Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета
Петра Великого, Санкт-Петербург;
e-mail: chubber@yandex.ru*

Статья посвящена поэтическому наследию известного психолога, психиатра, физиолога, невропатолога В. М. Бехтерева (1857–1927). Тот факт, что он писал стихи, периодически озвучивается в литературе, однако их печать, задуманная еще его родными в конце 1920-х гг., до сих пор не осуществлена. В настоящей статье публикуются некоторые стихотворения ученого, большинство из которых хранятся в его личном архиве. Также в статье анализируется предыстория обращения Бехтерева к поэзии и описываются особенности его творчества. Сочинительство, которым он увлекся лишь в 49 лет, являлось для него одной из любимейших форм досуга, способом духовной рекреации. Его рассмотрение способно помочь современному исследователю открыть личность ученого с неожиданной стороны, понять уникальность и многогранность его таланта. Также оно окажется незаменимым при попытках воссоздания портрета Бехтерева на фоне эпохи – именно в стихах нашли наиболее яркое и последовательное выражение его общественно-политическое взгляды.

Ключевые слова: В. М. Бехтерев, история психологии в России, история досуга, психология досуга, наука и поэзия.

Во все эпохи среди лидеров научного мира были те, кто отдавал должное поэзии – достаточно вспомнить Лукреция Кара, М. В. Ломоносова, К. Бэра, П. П. Семенова-Тян-Шанского, П. Ферма, Х. Гюйгенса, С. В. Ковалевскую, Н. И. Лобачевского, П. А. Флоренского и др. [16, с. 44–45; 69–76; 99; 103–104]. Для одних это был способ описания своих научных раздумий и открытий, для других – некий духовный опыт, для третьих – попытка раскрытия и познания внутреннего мира. В любом случае очевидным остается то, что поэтическое творчество ученого всегда являлось важным дополнением к его профессиональной деятельности (см., например: [9; 22; и др.]). Современному исследователю оно способно помочь открыть его личность с неожиданной стороны, понять красоту мыслей, многогранность таланта². Конфликт поэзии и науки с обвинениями последней в попытках анатомизировать душу и материализации мира неизменно оказывается

фиктивным [19; 26]. В стихах ученый обращается к альтернативной науке форме познания, и игнорировать этот опыт нельзя.

В связи с этим, нам представляется весьма актуальным обратиться к литературному наследию знаменитого отечественного психолога и психоневролога В. М. Бехтерева, тем более что масштаб его личности не позволяет обойти ни одной сферы его деятельности (см., например, о его вкладе в становление социальной психологии [10] и др.). Тот факт, что он писал стихи, в биографической литературе озвучивается регулярно [см., напр. 13, с. 159, 254; 1], но, несмотря на это, их публикации до сих пор нет. По замечанию брата ученого, Николая Владимировича, начавшего подготовку подобной работы, “для потомства, конечно, значимость этих творений В.М. заключается не столько в форме изложения, сколько в содержании дум великого психолога” [23, л. 324]. При этом он подчеркивал, что сам Бехтерев не собирался их публиковать: “В.М. никогда не отделял своих стихов, не собираясь никогда оглашать их в печати. Это была интимная сторона его творчества, обрывки незаконченных писем для себя” [7].

¹ Работа подготовлена при поддержке гранта Президента РФ для молодых учёных-кандидатов наук, проект МК-6876.2016.6.

² Данную мысль неизменно можно встретить в предисловиях к сборникам стихотворений ученых [8; 12; 16; 17 и др.].

О том, что ученый писал лишь “в стол”, вспоминали и его ученики³, однако с этим утверждением можно согласиться лишь отчасти. Некоторые из его творений, по воле самого автора, все же увидели свет. Так, стихотворение 1915 г. “Смерть раввина. (Из событий на западном театре войны)” было опубликовано под псевдонимом “Тихобережский” в литературном сборнике “Щит”, выдержавшем три издания [20]. Коллегами ученого по сборнику выступили такие поэты, как В. Я. Брюсов, И. А. Бунин, З. Н. Гиппиус, Вяч. Иванов, К. Д. Бальмонт и др. Издание было подготовлено Русским Обществом для изучения еврейской жизни и ставило своей целью обращение к проблемам бедствий еврейских беженцев и антисемитизма, обострившимся в условиях войны. В стихотворении описывается, как раввин молится за раненого христианина, который признал в нем пастора и просит поцеловать крест. Раввин нашел крест в соседнем доме и приложил его к устам раненого. Судьба обоих трагична:

Внезапно залп раздался новый,
Закончил жизнь христианин,
И пал, приняв венец терновый,
О нем молившийся раввин.

Другой пример публикации Бехтеревым своих стихов – речь “Моральные итоги Великой мировой войны”, сказанная на торжественном актовом заседании Психоневрологического института 2-го февраля 1915 г. и вскоре напечатанная отдельным изданием [5]. В ней он использовал целых 5 своих стихотворений, при этом не обозначая своего авторства, но и не используя псевдоним. В первом из них Бехтерев описал историю старого кантониста, отдавшего всю собранную им за день милостыню на помощь солдатам; второе посвящено любви к родине, изнемогающей под натиском врага; третье – варварскому разрушению Лувена немцами; последние два – силе всепобеждающей любви, абсурду войны и будущему единению народов. Бехтерев предстает перед нами патриотом и гуманистом, призывающим как к победе над врагом, так и к осуждению войны:

Я видел раненых бойцов,
Противников на поле чести,
Меж ними нет уже врагов
И нет меж ними кровной мести.
Вчерашние враги – теперь друзья.
Забыв сражения былые,
Они средь мирного житья
Дни вспоминают боевые [5, с. 17].

Такой же пацифистской риторикой наполнены стихотворения, опубликованные им в 1915 г. в статье “Лев Толстой и единение народов” [4]. Ученый полагал, что “даже среди сражающихся тяжелые картины убийства и разрушения и те зверства, о которых мы слышим ежедневно, не уничтожают окончательно чувства братства и любви, инстинктивно проявляющегося то там, то здесь. Дело в том, что там, где царит убийство и смерть, чувствуется более, чем где-либо, ценность человеческой жизни” [4, с. 439]. Данную мысль он иллюстрирует поэтическим изложением рассказа раненого, который, находясь на полях сражений, наконец постиг подлинную красоту природы и счастье бытия:

Во главе военной роты
Всадник едет на коне,
Мерный шаг его пехоты
Раздается в тишине.

Вкруг поля, холмы и горы,
Сверху синий свод небес,
Берегов реки узоры
И вдали зеленый лес.

Забывая путь опасный,
Про себя он восклицал:

“Жизнь так хороша, прекрасна,
Жизнь, тебя я мало знал”.

Вдруг раздался пушек грохот,
Вслед ружейная пальба,
Будто дьявольский там хохот,
Будто смерти похвальба.

Истекая алой кровью,
Павший в честь родных знамен
Всадник вспомнил, как любовью
Дома он был окружен.

Вспомнил он любимой очи,
Сонный пруд, цветник и сад,
Шепот робкий в лунной ночи,
Поцелуй и томный взгляд.

Но мечта его напрасна,
Он в бессилье умирал,
Повторяя: “жизнь прекрасна,
Жизнь, тебя я мало знал” [4, с. 439–440].

Несложно заметить, что к публикации Бехтерев отбирал стихотворения, посвященные актуальным политическим событиям. Таким образом, исследователя не должен смущать выбранный ученым псевдоним – “Тихобережский”, образованный от названия его дачи в Финляндии “Тихий берег”. Значительная часть стихов писалась именно там, в окружении прекрасных северных пейзажей. По воспоминаниям его брата, “все знали, что В.М., как никто, умел любить и чувствовать красоту природы. В.М. был поэтом в душе,

³ Так, Б. Г. Ананьев и А. В. Дубровской утверждали, что стихи Бехтерева являлись одним из признаков богатства и широты его жизни, стремлением посмотреть на мир не только сквозь призму своей науки, и писались “для себя” [1].

и красоты природы вызывали в нем смутные порывы к поэтическому творчеству. На листках бумаги в записной книжке он набрасывал в эти моменты поэтические строфы, которые звучали в его душе” [7]. Тем не менее, Бехтерев был не из тех, кто мог искать в поэзии лишь способ ухода от действительности в мир спокойствия и вечной гармонии природы. Он полностью разделял слова Н. А. Некрасова о гражданском долге поэта. Стихи Бехтерева зачастую были эффектной составляющей его ярких публицистических работ. Известны случаи, когда он использовал как свои, так и чужие строки в своих выступлениях для выражения политической позиции. Так, широкую известность получило его выступление в сентябре 1905 г. в Киеве на II-м съезде российских психиатров. Доклад, вскоре вышедший отдельной статьей “Личность и условия ее развития и здоровья” [3], содержал резкую критику правительства и заканчивался словами: “Мы не будем при этом вспоминать тяжелое прошлое русского народа, сделавшееся уже достоянием истории, не будем останавливаться на его безотрадном настоящем, наводящем на грустные размышления, но, приветствуя эпоху политического возрождения русского народа и надеясь на более светлое будущее, мы скажем здесь за личность нашего народа словами его великого поэта:

Отворите мне темницу,
Дайте мне сиянье дня...” [3, с. 378–379]

Успех был оглушительным. Ученому не только устроили шумную овацию, но и вынесли на руках на улицу и посадили в экипаж [6, с. 24]. Стихи М. Ю. Лермонтова, использованные ученым, позволили поставить в докладе яркую точку, дополнительно усилив антиправительственный пафос ссылкой на великого поэта – жертву царизма.

Другую свою речь, произнесенную на посвященном ему банкете в честь 40-летнего юбилея профессорской деятельности, он закончил стихами А. Н. Плещеева (кстати, также известного своими антиправительственными взглядами и общественно-политической деятельностью):

Друзья, дадим друг другу руки
И вместе двинемся вперед,
И пусть, под знаменем науки,
Союз наш крепнет и растет [13, л. 266].

Показательно, что к поэзии ученый, по его собственным признаниям, обратился в 1906 г. (в 49 лет) [23, с. 324], то есть в период революционных потрясений, которым он искренне сочувствовал. Нам представляется, что его лирика способна существенно помочь современным ис-

следователям в раскрытии особенностей его политических предпочтений, отношения как к царской, так и большевистской власти – вопросов, до сих пор не получивших должного ответа⁴. В частности, на события Первой русской революции он откликнулся стихотворением “Народная легенда о Минине и Пожарском в 1905 году”, в которой герои освободительного движения перенесли в начало XX в., чтобы возглавить народную борьбу [23, л. 349]. Также ученый являлся автором целой поэмы-пьесы “На заре революции”, главный герой которой, Владимир, выступает непримиримым борцом с самодержавием⁵. Автор поэмы предстает перед нами человеком с вполне четкими политическими симпатиями – он разделяет антиправительственные взгляды и эсеров и социал-демократов, при этом критикует кадетов за их антинародные действия. На митинге, который жестоко разгоняет полиция, Владимира убивают. Его последние слова перед смертью:

Близок час освобожденья,
Вижу – рушится преграда
Жизнь – борьба, покой – мученье,
Смерть в борьбе – борцу отрада [23, л. 465].

Проникнуты революционным пафосом и следующие слова Владимира:

Я верю в будущность России,
Я верю в мощь ее сынов,
Ее герои и витии
Спасут от гнета и оков [23, л. 462].

И далее следует явная параллель с Пушкинским “К Чаадаеву”:

Да, верю я, взойдет она,
Желанная заря свободы,
Как возвратится к нам весна
На смену зимней непогоды.
Тогда вновь жизнь кругом воскреснет,
И грудью полной Русь вздохнет,
И дух раздора в ней исчезнет,
И мощный труд в ней процветет [23, л. 462].

⁴ В советской историографии неизменно подчеркивалась его антиправительственная позиция, симпатии к революции, хотя и отмечалось несоответствие его научных взглядов марксизму [2; 11]. В работах постсоветского периода чрезвычайно популярен тезис о В.М. Бехтерева как жертве И.В. Сталина [22], тогда как его революционность обходится вниманием, видимо представляясь исследователям уже отыгранным сюжетом. Мы полагаем, что приверженность подобным крайностям является лишь помехой при попытках проведения комплексного анализа социально-политических взглядов ученого.

⁵ В подзаголовке указывалось, что поэма написана “по мотивам событий 1905–1906 гг.” [23, л. 440]. Она ставилась на домашних и малых сценах, например в студии им. Островского и Шекспира в Ленинграде. Современники отмечали сходства черт главного героя и самого В.М. Бехтерева [23, л. 440].

Вероятно, даже предполагая некоторую слабость своих произведений, Бехтерев считал своим долгом выразить через них собственную общественно-политическую позицию, достучаться до общества и власти. Разумеется, далеко не все из них могли быть опубликованы. Осмелимся предположить, что отчасти их написание – проявление воли ученого, подчиненной в повседневной жизни принятым жестким нормам⁶.

Обращение В. М. Бехтерева именно к поэзии имело и другие причины. Приведем его собственные слова, дошедшие до нас в воспоминаниях брата: “В течение своей жизни я не раз убеждался, как важно для многих вспоминать при том или другом случае самые банальные мысли. Пусть они всем известны, но как раз они упускаются из виду тогда, когда о них именно нужно было бы вспоминать, и для этой цели нет лучшей и более подходящей формы как стихотворной, как действующей сильнее на чувства и в то же время легко запоминаемой. Поэтому автор счел за правило в позднейший период своей жизни те или иные мысли и переживания на досуге излагать в форме стихотворений. Боюсь, что строгими критиками будут признаны неуместными эти поэтические потуги со стороны лица, всю жизнь отдававшегося научным изысканиям, но ведь, среди последних чувствовалась потребность и в отдыхе, которая и выливалась в форму стиха” [20, л. 324]. Для ученого это было формой досуга, а, точнее – рекреации – восстановлением умственных сил. Как справедливо заметил известный советский физик (и тоже поэт) В. Ф. Ноздрев: “Известно, что многие ученые, работающие одновременно в науке и искусстве, не имеют отдыха в обыденном понимании этого слова. Их отдых – это изменение формы труда. В свободное время они с увлечением занимаются живописью, композицией, поэзией” [12, с. 3–13]. В. М. Бехтерев, известный трудоголик, даже в минуты отдыха (к которому близкие часто принуждали его чуть ли не силой) не терпел безделья, неизменно стремясь к созиданию.

⁶ В связи с этим можно вспомнить работу коллеги Бехтерева В. Ф. Чиж “Психология спорта”, в которой он указал, что обращение к досугу и, в частности, к спорту более свойственно людям в культурном обществе, где “все должны работать, подчиняясь высшей воле, жить согласно принятым нормам. ... Весь день культурного человека распределен так, что ему нет повода и возможности проявлять свою волю” [24, с. 12]. Отметим, что сам Чиж не разделял антиправительственную позицию многих своих либеральных коллег. Более того, он считал революционеров алкоголиками, душевнобольными и вырождающимися [см.: 18, с. 50].

Обращение Бехтерева к литературному творчеству изначально не преследовало цель приобрести новый духовный опыт или расширить границы понимания мира, решить важную научную или философскую задачу. В связи с этим в данном случае нам представляется уместным обращение к концепту игры. Так, психолог Н. Т. Оганесян в статье “Терапевтические аспекты психологии поэтического творчества”, выделив 18 причин обращения человека к поэзии, указал, в том числе, и на игру: “Поэт же получает высшее наслаждение от игры в слова, перебирая их и переставляя, словно ребенок детали конструктора” [15]. Нельзя не вспомнить и о Й. Хейзинге, выделившим признак игры как поведения, протекающего “вне сферы материальной пользы или необходимости. Настроение игры – это настроение отрешенности и восторга, священное или праздничное, в зависимости от того, является ли игра священнодействием или забавой. Такое поведение сопровождается ощущением напряжения и подъема и приносит с собой снятие напряжения и радость” [21, с. 188]. Если наука в современном обществе, равно как и право, военное дело или богопочитание, потеряли соприкосновения с игрой, то “поэтическое творчество, родившееся в сфере игры, все еще чувствует себя в этой сфере как дома” [21, с. 172]. Некоторые стихотворения Бехтерева действительно отсылают к игре, мифу, народному преданию. Это род интеллектуального развлечения, следствие внутренней потребности в поэтическом творчестве. Можно провести параллель с Ломоносовым, понимавшим свое отношение к науке и поэзии так: “Стихотворство – моя утех, физика – мои упражнения” [цит. по: 16, с. 151]. Наука для Бехтерева – дело жизни, а главная цель поэзии – отдых.

Таким образом, поэтическое творчество Бехтерева во многом уникально. Свои научные наблюдения он никогда не облакал в форму стихов и не иллюстрировал последними свои труды. Значительная часть литературных произведений была не просто способом выражения мыслей, впечатлений и глубоко личных переживаний, а возможностью передачи читателям и слушателям собственной политической и гражданской позиции. Обращение к его творчеству вряд ли поможет исследователям научного наследия ученого, но оказывается незаменимым для интересующихся его личностью и общественной деятельностью, портретом на фоне эпохи.

Разумеется, формат статьи не позволяет ознакомить читателя со всем поэтическим наследием Бехтерева. Надеемся, что рано или поздно полно-

ценная публикация его стихов, чего хотели еще его родственники и коллеги, состоится. Мы же постарались отобрать из работ те, которые способны более-менее полно представить многогранность его поэтических интересов, включив в них и глубоко личные стихотворения, и резкие антивоенные и революционные стихи, и, наконец, то, что можно назвать стихотворными экспериментами, результатом обращения к различным поэтическим жанрам.

Чувства живых к умершим и раненым на войне

Я помню, как смиренно мать
По слову царского веленья
Спешила сына провожать
На бой словами утешенья.
Как осень его крестом
Без счета, молча, целовала,
И проводив его, потом
Безумно так рыдала.
Я слышал раненых стенанья
И видел, как тускнел их взгляд
Когда они под звуки ликования
Вкушали смерти яд.
Меж ними я узнал и сына,
Что мать благословила в бой.
Знать не видала слез чужбина,
Где вечный он нашел покой [23, л. 328].

Ожидание

Как подстреленная птица,
И печальна, и мрачна
Смотрит дева бледнолица
У открытого окна.
Ждет все весточки о милом,
Что ушел недавно в бой,
И во взоре молчаливом
Все туманится слезой.
Как услышит весть про битву
Осенит себя крестом,
Прочитает вслух молитву,
Встанет снова пред окном.
Ждет она и дни, и ночи,
Всех святых перебрала,
Изсушила думой очи...
Вот гадалку призвала.
И цыганка, взяв за руку,
Опустила мрачный взгляд,
Говорит: “судьба разлуку
Ей готовит, и назад.
Не вернется воин милый,
Он давно в бою убит
И уж братскою могилой,
Взор его навек закрыт”.
Горько девица взмолилась,
Взгляд бледнее полотна,
Покачнулась, повалилась

У открытого окна [23, л. 333].

Напрасно ты, Учитель мира,
К нам с тверди неба снизошел,
И проповедь любви и мира
И всепрощенья ты повел.
Напрасно ради поученья
Себя на жертвы ты принес
Твой крест и жертва и мученья
Давно забыты, наш Христос.
Мир на земле есть мир звериный,
Не стоит он твоих забот,
В нем яд давно сокрыт змеиный
С ним он пусть сгинет и умрет.
Тогда рукой своей всеильной
Ты, Боже, новый мир создай
И лишь цветы любви обильной
В нем ты посей и насаждай [23, л. 339].

Иван Грозный и Юродивый

С своей опричною Иван
Прибыл пред пасхой в Псков мятежный.
На казнь вельможных псковитян
Обрек он волею железной.
Пешком, взяв в руки посох, царь
Идет к молитве в храм соборный.
И каждый встречный бьет челом
Его велениям покорный.
Но вот ко Грозному идет
В лохмотьях рваных юродивый,
Царю он мясо подает
Со словом: “скушай царь правдивый”.
А гневный царь ему в ответ:
“Забыл ты что-ль, что в пост Великий
В моей трапезе мяса нет,
Что царь не может быть двуликий”.
“Но царь ты, пьешь чужую кровь,
Уже ль противно мясо стало
Лишь тем, что пред тобою вновь
Оно вид казней воскрешало?”
И полный мести псковичам
В ответ ни молвил царь ни слова,
Потупив взор, он шел во храм
В одежде инок простого [23, л. 348].

Гибель величайшего парохода “Титаника”

На просторе синем моря
Плыл корабль по лону вод,
В нем народ, не чуя горя,
Жизнь беспечную ведет.
Всюду слышны разговоры,
Крик веселье, общий шум
И вино здесь будит споры,
Гонит прочь от мрачных дум.
Но внезапный раздается
Треск толчка о груды скал,
В трюм вода рванулась, льется,

Весь корабль затрепетал.
Поднялось кругом смятенье,
Вся команда на ногах,
Охватило всех волнение,
Слезы, вопли, стон и страх.
А корабль разбитый тонет,
Не вникая их мольбам,
Лишь пучина глухо стонет,
Вторя жалобным ветрам [23, л. 350].

Тебя уж нет...⁷ Давно сошла в могилу,
Но дай мне мысленно тебя обнять
И ласк твоих магическую силу
Дай чистым сердцем вновь принять.
Я помню как ты не раз нас обнимала
Сказав, рыдая, “умер ваш отец”.
И нас сирот ты словом утешала,
Что дух его придет с небес.
И помню я, одна тревога
С тех пор в молитве слышалась твоей,
Когда ты пламенно молилась
О счастье нас, твоих детей.
И я тогда, о простота святая,
Ни сердцем, ни умом не постигал,
Чем ты была для нас, о, мать родная
Кто наше детство охранял,
Кто был тогда и ангел наш хранитель,
Чей образ мил так в мире детских грез,
Кто был для нас и ангел утешитель
И отирал глаза от слез.
Тебя уж нет... Давно сошла в могилу.
Но дай мне мысленно тебя обнять
И ласк твоих магическую силу
Дай чистым сердцем вновь принять [23, л. 355].

За что

За что бедняк изо дня в день
Не знает отдыха и света,
Когда богатство родит лень
И жизнь счастливую как лето?
За что один уныл и злой,
Другой же счастьем блистает,
Когда луч солнца золотой
Их всех равно благословляет! [23, л. 357]

Я сбросил прочь свои оковы,
Я ныне дерзкий властелин,
Меня манят иные зовы
Иных неведомых глубин.
Хочу постичь я жизнь вселенной
Хочу взлететь я к небесам
Наперекор лихим стихиям
По неизведанным стезям.

Я полечу на встречу буре
С ней поборюсь моим крылом,
И молний яростные стрелы
Сражу магическим огнем.
Проникну я в седые дали,
Густые сети к ним прорву,
Раскрою их немые тайны
И светлый полог с них сорву [23, л. 275].

Возвращение из заграницы (отрывок)

Томила душу мне одно:
Там и порядок и свобода,
Там жизнь повсюду бьет ключом,
Там труд – потребность для народа,
Изящный виден вкус во всем.
Друга здесь пред мной картина:
Царит повсюду произвол,
Везде хаос, во всем рутина,
На страже кнут, целитель зол.
Но ты, отчизна дорогая,
Мила как мать родная мне,
Я бы хотел людей пороки
И язвы власти устранить,
Чтоб край воскрес для жизни новой,
Чтоб сброшен был рутины гнет,
Был избран мрак ума суровый,
Свободной мысли дан полет [23, л. 365].

Как ты чудна, родная Русь.
Деревня где-то на болоте.
Средь дня там крикнул гусь
И замолчал опять в дремоте.
Вот заорал за ним петух,
Приветствуя кого-то грубо,
Меж тем вдали огонь потух
Оставив уголь, пепл и трубы.
А в вечеру лягушек хор
Там отдается дальним эхо.
И слышан бранный разговор –
Идет там пьяная потеха [23, л. 365].

“Здравствуй, женка дорогая,
Примешь ты меня аль нет?”

А она, слезу глотая,
Отвечает: “мой ты свет,
Я тебе без меры рада,
Буду холить и любить,
Мне одна теперь отрада –
Для тебя и сына жить.
Я лицо твое омою
Утром свежеей водой,
На ночь я тепло укурою
На постели пуховой,
Не сомкну свои я очи
У кровати у твоей,
Встану много раз среди ночи,
Чтоб укрыть тебя теплей.

⁷ В.М. Бехтерев очень любил свою мать. Так, он посвятил ей свою диссертацию на степень доктора медицины. Вспомнил он о ней и в своих поэтических произведениях.

Поднимусь я утром рано,
Озабочусь вновь тобой
И забудешь ты про раны,
Мой касатик золотой” [23, л. 331].

Народная легенда о Минине и Пожарском в 1905 году

В Нижнем Новгороде славном
Вновь шумит, гудит народ
О сражении бесславном
На Востоке речь ведет –
Вновь стал трон шататься царский,
Смута вновь идет кругом.
Но вот Минин и Пожарский
Вновь в толпе вдвоем.
И, обнявшись друг со другом,
Меж собою говорят.
А в толпе народной цугом
Все за ними вслед спешат.
Но никто обычным слухом
Не поймет их из людей.
Старцы лишь с “землистым” ухом
Понимают смысл речей [23, л. 349].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ананьев Б.Г., Дубровский А.В.* Памяти большого человека // *Вестник Знания*. 1928. № 23–24. С. 1092.
2. *Баталов А.А.* Философские взгляды В.М. Бехтерева и место в них проблемы личности. Автореф. дисс. на соискание учен. степени канд. филос. наук. Свердловск, 1969.
3. *Бехтерев В.М.* Личность и условия ее развития и здоровья // *Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма*. 1905. Вып. 6. С. 355–380.
4. *Бехтерев В.М.* Лев Толстой и единение народов // *Вестник знания*. 1915. № 7. С. 436–445.
5. *Бехтерев В.М.* Моральные итоги Великой мировой войны. Речь, сказанная в торжественном актовом заседании Психоневрологического института 2-го февраля 1915 г. Пг.: тип. Кюгельген, Глич и К°, 1915.
6. *Бехтерев В.М.* Автобиография. М.: Акц-ное Изд-ое Об-во “Огонек”, 1928.
7. *Бехтерев Н.М.* Как жил и работал академик В.М. Бехтерев // *Вестник знания*. 1927. № 24. 4-я с. обл.
8. *Вторая Муза историка* / Под ред. *А.А. Сванидзе*. М.: Наука, 2003.
9. *Галкина Т.В., Журавлев А.Л.* Основные веки жизненного пути и народного творчества Я.А. Пономарева // *Я.А. Пономарев. Психика и интуиция. Неопубликованные материалы, стихи, рисунки и фотографии*. М.: ООО «ТИД “АРИС”», 2010. С. 6–54.
10. *Журавлев А.Л.* Роль В.М. Бехтерева в становлении общественной (социальной) психологии России (к 155-летию со дня рождения) // *Психологический журнал*. 2012. Т. 33. № 3. С. 122–134.
11. *Мамедов М.Н.* Философско-психологические взгляды В.М. Бехтерева: Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. филос. наук (по психологии). Л., 1968.
12. *Муза в храме науки: Сб. стихотворений* / Сост. *В.Ф. Ноздрев*. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Советская Россия, 1988.
13. *Никифоров А.С.* Бехтерев. М.: Молодая Гвардия, 1986.
14. *Ноздрев В.Ф.* Наука и поэзия // *Муза в храме науки: Сб. стихотворений* / Сост. *В.Ф. Ноздрев*. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Советская Россия, 1988.
15. *Оганесян Н.Т.* Терапевтические аспекты психологии поэтического творчества // *Журнал практической психологии и психоанализа*. 2002. № 3. С. 154–167. URL: <http://psyjournal.ru/psyjournal/articles/detail.php?ID=2891>. (дата обращения: 20.07.2016 г.).
16. *Павловский Е.Н.* Поэзия, наука и ученые. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1958.
17. *Поэзия русских философов XX века. Антология* / Сост. *М. Сергеев, Л. Столович*. Бостон: M Graphics Publishing, 2011.
18. *Сироткина И.* Классики и психиатры: Психиатрия в российской культуре конца XIX – начала XX века. М.: Новое литературное обозрение, 2008.
19. *Столович Л.Н.* Философия в поэзии и поэзия в философии // *Поэзия русских философов XX в. Антология*. Бостон: M Graphics Publishing, 2011. С. 7–24.
20. *Тихобережский.* Смерть раввина. (Из событий на западном театре войны) // *Щит. Литер. Сб.* / Под ред. *Л. Андреева, М. Горького и Ф. Сологуба*. М.: Т-во типографии А.И. Мамонтова, 1915. С. 175.
21. *Хейзинга Й.* Homo ludens. Человек играющий / Сост., предисл. и пер. с нидерл. *Д.В. Сильвестрова*. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011.
22. *Холодная М.А., Журавлев А.Л.* Стиль научного творчества В.Н. Дружинина (к 60-летию со дня рождения) // *Психологический журнал*. 2015. Т. 36. С. 109–113.
23. ЦГИА СПб Ф. 2265. Оп. 1. Д. 14. “Духовное наследие В.М. Бехтерева” (Воспоминания, записки, рассказы В.М. Бехтерева, краткая биография последнего, стихи В.М. Бехтерева). 1904–1927.
24. *Чиж В.Ф.* Психология спорта. СПб., 1911.
25. *Шерешевский А.М.* Загадка смерти В.М. Бехтерева // *Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В.М. Бехтерева*. 1991. № 2. С. 102–111.
26. *Cantor P.A.* The Scientist and the Poet // *The New Atlantis: A Journal of Technology & Society*. Winter 2004. № 4. P. 75–85.

UNDER THE PSEUDONYM OF “TIKHOBEREZHSKIJ”: POETRY OF V.M. BECHTEREV

I. V. Sidorchuk

PhD, associate professor, history chair, Humanitarian Institute, Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University, Saint-Petersburg.

The article is devoted to the poetic heritage of the famous Russian psychologist, psychiatrist, physiologist and neurologist V.M. Bekhterev (1857–1927). The fact that he wrote poetry, occasionally voiced in the literature, but their publication, conceived by his family in the late 1920s, is still not implemented. In this article we published some of his poems, which manuscripts are stored in archive. Our goal is to analyze the features of V.M. Bekhterev's poetry. He started to write poems only in 49 years and this form of leisure became a way of spiritual recreation for him. So, studying his literary works can help modern researcher to reveal the identity of a scientist from a new perspective, to understand the uniqueness and the diversity of his talent. It will also valuable to recreate the complete biographical portrait of V.M. Bekhterev – exactly in verse he expressed most strikingly and consistently his social and political views.

Keywords: V.M. Bekhterev, history of psychology in Russia, history of leisure, psychology of leisure, science and poetry.